

информации о прошлом или о настоящем страны, но многие из них - это значительное явление национальной культуры.

Художественная литература является также богатейшим источником ФЕ. Как справедливо подчеркивает А.М. Бабкин, «одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя». Значительное число фразеологизмов современного английского языка обязано своим происхождением литературным произведениям различных эпох и жанров. Национально-культурная специфика этих единиц проявляется очень ярко. Она обусловлена прежде всего тем, что все они родились на английской земле и тесно связаны с культурой страны.

Фразеологизмы живут в языке, активно употребляются, хотя не все носители языка помнят и знают литературные источники. Знание же этих источников, знание ситуации и контекста, в которых впервые употреблено то или иное сочетание слов, ставшее впоследствии устойчивым, позволяет нам уточнить и дополнить смысл фразеологизмов, способствует лучшему пониманию и, следовательно, более правильно-му их применению.

Примечание

1. Ройзензон Л.И. Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии (Самарканд). 1972. № 1.

Н.В.Гультяева
Уральский университет

О специфике употребления глагольных форм в тексте заговора

Предмет нашего исследования – особенности употребления императивных глагольных форм в эпических заговорных текстах. В качестве иллюстративного материала используются тексты заговоров из сборника Л.Н.Майкова (далее – М) [1].

В содержательном плане эпическая разновидность заговорного любовного текста представляет собой описание перехода субъекта заговора (далее - S_2) из бытового пространства в мифологизированный «центр мира» [2].

В сакральном центре заговорного универсума герой встречается с могущественным *посредником* и высказывает просьбу, исполнение ко-

нение наличной ситуации, а последнее слово просьбы фиксирует обратный переход S₂ из мифологизированного пространства в бытовое.

Как можно заметить, в приведенном выше тексте заговора (М, 7) основная роль отводится именно императивным формам, представленным в ядре заговора, поскольку с их помощью Говорящий 2 обозначает действие, должное привести к желаемому результату, формулирует цель своего общения с посредником: *...Зажги ты красную девицу... чтобы она тосковала и горевала*. Ср. также следующие ядерные фрагменты заговорных текстов:

...Гой вы еси, три брата, не ходите на леса темные, на болота зыбучие, на реки текущие, подите вы, сходите, послужите мне, куда я вас пошлю, раб Божий; зажгите вы ретивое сердце у рабы Божией (имярек), чтобы горело по рабе Божиим... (М, 2).

... О ты, огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна девица (имярек), полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь... чтобы она тосковала, горевала весь день... (М, 6).

Вы же, четыре ангела, вырвите тоску-кручину из меня, раба (имярек)... и вложите ту тоску-кручину в рабу (имярек)... чтобы раба (имярек) тосковала по мне, рабу (имярек), и горевала, и во всей тоске пребывала, и никогда меня не забывала... (М, 18).

В целом почти две трети всех любовных заговоров, представленных в сборнике Л.Н. Майкова (21 текст из 33), независимо от способа организации ядерного фрагмента, содержат формы повелительного наклонения, и только в 3 случаях из 21 императив не представлен в центральной части заговорной структуры – в заговоре-параллелизме (М, 9) и в эпических заговорах (М, 17 и М, 27). Интересно, что при этом в (М, 9) глаголы повелительного наклонения используются дважды: в зачине – *Собирайтесь, народ, люди добрые, ко честному Христову празднику!* и в закрепке – *Будьте, мои слова, тверды и крепки, навеки нерушимы*.

Динамический зачин эпической разновидности заговора, исследованию которой и посвящена данная работа, не дает императивных форм, зато последние часто употребляются при обращении к могущественному персонажу. Рассмотрим отмеченные глагольные формы с точки зрения их перформативности.

Понятие перформативности и сам термин были введены Дж. Остином для обозначения таких глаголов речи, употребление которых равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия (*каяться, признаваться, гарантировать* и т.п.), таким образом, высказывание о действии как бы тождественно самому действию [4. С.309]. В работах отечественных и зарубежных лингвистов неодно-

кратно предпринимались попытки выделения критериев перформативности. Основным свойством перформатива, по мнению Е.В.Падучевой, Ю.Д.Апресьяна, является его особое видовое значение: это характеристика действия, начавшегося и закончившегося в момент речи, а именно на интервале, занимаемом речевым отрезком [5]. Подобный изоморфизм слова и действия характерен и для заговора. Если в обычном высказывании глагол в повелительном наклонении только предполагает изменение ситуации, то в заговорном тексте само название, обозначение действий уже есть их совершение, поскольку обращение к *посреднику* осознается как самодостаточное. Кроме того, по мнению Дж. Остина, перформативное высказывание не обладает семантическим свойством истинности/ложности, его аналогом у перформативов является прагматическое свойство удачности или неудачности, так как слово, равное действию, не может быть ни истинным, ни ложным.

Так и в заговорном тексте дальнейшее контролирование событий– после вербализованного волеизъявления – как бы не осуществляется, т.е. в тексте не фиксируется, но к моменту произнесения заключительной формулы закрепки действие осознается как уже совершенное, т.е. приказание обладает свойством (используя терминологию Дж. Остина) удачности.

В эпическом заговоре глаголы повелительного наклонения используются дважды: во-первых, в основной части – при обращении к чудесному помощнику; во-вторых, в закрепке – при обращении к собственно словам заговора. Последнее может быть проиллюстрировано следующими примерами:

Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата (М, 3);

Будьте, слова, крепки и лепки накрепко (М, 25);

Будь ты, мой приворот, крепче камня, крепче железа, отныне и до века (М, 27).

В первом случае можно говорить о заговорной перформативности, создаваемой средствами контекста, а во втором - саморефлексии произносящего заговорный текст.

При обращении к словам заговора изменение наличной ситуации остается в сфере ирреального, точнее, говорящий и не предполагает в данный момент какого-либо изменения, а лишь стремится закрепить то, что уже осуществилось благодаря произнесению предыдущей части текста (в императиве используется лишь бытийный глагол совместно с краткими прилагательными, выступающими в роли характеристикаторов).

Как нам кажется, именно прагматической установкой заговорного текста, его нацеленностью на изменение ситуаций «здесь и сейчас» и

объясняется контекстная перформативность представленных в нем императивных глагольных форм.

Примечания

1. См.: Великорусские заклинания: Сб. Л.Н. Майкова. СПб., 1994.
2. См. об этом, напр.: Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энцикл. / Под ред. С.А. Токарева. М., 1982. Т.2. С. 340 – 342.
3. О ситуативно актуализированном типе речи см.: Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
4. См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
5. См.: Падучева Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 37 – 42; Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Избр. тр.: В 2 т. М.: Ю 1995. Т.1. С.216 – 217.

Л.Г.Гусева
Уральский университет

Устаревшие глаголы в лексике уральского свадебного обряда (семантика и география)

Старина со всеми ее обычаями постепенно вытесняется новой жизнью. Старинные же русские свадьбы, как отмечают этнографы и фольклористы, представляют собой целый ряд последовательных и разнообразных картин с оригинальными явлениями, своеобразными обычаями, приговорами. «Христианство, – как писала в конце прошлого века И.О. Осипова, – значительно упростило эти обычаи, ограничив их только заключением брака в церкви и не иначе, как ее служителем. Однако сохраняется множество брачных обычаев, которые являются, без сомнения, остатками самой седой и притом языческой старины» [1. С. 96].

Свадебный обряд в том виде, в каком он существует сейчас, значительно упрощен. Все меньше остается людей, знающих от своих дедов и прадедов о старинной свадьбе, помнящих строгую последовательность всех свадебных обрядов, – вот почему необходимо бережное отношение к каждому слову, отражающему различные грани этого поистине удивительного явления в жизни русского народа. Процесс упрощения свадебного ритуала, а вместе с ним и выпадения, забвения обрядовой лексики продолжается и теперь.

Поэтому важно прежде всего записать то, что еще живет в памяти народной, и бережно отнестись к каждому слову, за которым – фраг-